

целый ряд очень существенных деталей об этом деле, а трактовке поведения двоюродного деда писателя в чем-то придает-ся двусмысленный характер. Татищев ничего не говорит о заслугах предка Сумарокова, изображая его просто «знакомцем Нарышкиных». Согласно его версии, доносчик сообщает о готовности Сумарокова «нечто противу государя предприть». Наконец, у Татищева ни словом не упоминается Софья, и соответственно мужество и бескорыстная верность предка Сумарокова законному государю также в рассказе предстают затушеванными.

Можно понять уязвленность чувств Сумарокова и его желание восстановить справедливость. В своем рассказе он, по всей вероятности, основывался на семейных преданиях, и главной его заботой было отстаивать честь рода. И это, по-видимому, явилось также одним из стимулов обращения его к историческим событиям конца XVIII века.

Таким образом, включение в повествование о бунтах стрельцов означенного эпизода опять-таки объясняется, на наш взгляд, полемическим заданием. Сумарокову прежде всего было важно отвести всякие подозрения о возможности участия какого-либо представителя его рода в злоумышленных заговорах против царствующих особ. Здесь находит свое объяснение резко выраженное противопоставление в его очерках интересов «сынов отечества», т. е. дворян, интересам «черни».

Несдержанный; импульсивный Сумароков в изложении событий, связанных со стрелецкими бунтами, по-видимому, видел свою главную задачу в том, чтобы изложить собственную версию происходившего. Кое в чем он вполне закономерно следовал источникам, которые невольно оказывались общими. Но в ряде моментов его взгляд на события расходился с оценками предшественников. И объектами полемики могли быть и труды Ломоносова, и труды Татищева, и сочинения иностранных историков, в частности Страленберга.

О том, что труд Страленберга в качестве объекта полемики мог находиться в поле зрения Сумарокова, свидетельствует, на наш взгляд, его небольшая заметка-эссе «О происхождении слова Царь». Первые же фразы заметки обнаруживают ее полемическую направленность: «Не сказали мы еще европейцам от чего слово Царь происходит; ибо и у нас немногие это знают. Думают европейцы, что это слово испорчено, вместо Цесарь выговаривается, и будто оно значит Короля».³⁷ Сумароков не называет имена думающих так «европейцев», но знакомство с книгой Страленберга помогает уловить источник подобного мнения Глава 7 труда Страленберга прямо называется «Разность в титуле царя и великого князя и о гербе российском», и в ней мы находим и уподобление этого титула званию «короля» и сближение данного слова с именем «цеса-

³⁷ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. X. С. 158